

Памяти Николая Никонова (1930 – 2003)

11 июня 2003 года не стало Николая Григорьевича Никонова, выдающегося писателя, мощного самобытного художника, одного из тех редких талантов, кто при жизни был признан классиком русской литературы.

Выпускник историко-филологического факультета Свердловского пединститута, он всегда сохранял живую связь со школой и вузом – много лет учительствовал, вел спецкурсы и спецсеминары на филфаке, всегда с удовольствием приходил на обсуждения своих новых произведений в студенческой аудитории...

А книги его уже давно вошли в круг чтения всех школьных возрастов, по ним ведутся уроки, пишутся рефераты, дипломные работы, защищаются диссертации.

Память о Николае Никонове дорога всем нам - его друзьям и коллегам, его читателям.

Готовя этот выпуск журнала, мы обратились к вдове писателя. Антонине Александровне. Она любезно согласилась ответить на вопросы нашего корреспондента и передала для публикации последнее стихотворение Никонова, его поэтическое прощальное слово, а также фрагмент из неоконченного романа «Бытие».

Многие поэты пишут «заповиты» и «памятники»,
Написал и я.

Не ищите меня, не ищите!
Не надейтесь, что где-то найдусь,
Я уехал в счастливой карете
И назад уже не вернусь.

Не хочу этой пасмурной доли,
Похоронных венков и могил,
А хочу быть на воле, на воле.
Вечно юным, всегда молодым!

Не хочу ритуально скорбящих,
Возлагающих тряпочный тлен,
Не хочу, заколоченным в ящик
И навеки в суглинистый плен.

Не грустите, не плачьте, не нойте,
Скорбь по мне, даже мне, не нужна,
Лучше песню хорошую спойте,
Лучше выпейте чару вина!

До свидания, в новом обличье
Я вернусь к вам, и верую я,
Стану громом и голосом птичьим,
И журчаньем лесного ручья,
И дождем, поливающим нивы,
Ветром свежим, и с молнией
в блеск,
Вечно буду живым и счастливым,
Как движение этих небес!

ЗЕМЛЯНИН

Когда по телефону сказали, что не стало Никонова, я не поверил. Казалось, такие не умирают. Нет, я даже не о том, что называют бессмертие таланта. Он был по-настоящему витален. Большой, основательно скроенный. А походка! Он не ходил, а шагал, не ступал, а ставил ногу плотно, всей стопой, помните - как Серго Закариадзе в «Отце солдата». По-хозяйски ступал по своей земле. Не помню, чтобы он отправлялся в какие-то там туристические походы по Уралу, но знаю, что он пешком исходил все окрестности Свердловска, или садился в электричку, выходил где-нибудь на станции Таватуй и в одиночку шагал по лесным тропам, забирался на скалы, ночевал у разведенного костра, слушал утреннее пение птиц.

Он был очень земным в том смысле, что вел себя как житель Земли, он мыслил, как планетная личность. Он чувствовал своей роднею ветер, птиц, лесное зверье. Он был жаден до жизни, плотоядно смаковал ее. Помню шестидесятые годы-начало семидесятых. Вечера на филфаке, еще в старом здании пединститута на Карла Либкнехта, 9. После концерта – танцы. Никонов тут как тут. Стоит у стенки, смотрит. Сам танцевал очень редко. Похоже, приходил только для того, чтобы увидеть свежие лица, сверкающие глаза, услышать молодые голоса. А может, приходил любоваться женской красотой - ему нравились статные, большеглазые, крупные, такие, в которых жизнь играет щедрой телесностью.

И сам он старался быть всегда в форме, не опускаться, не стареть. Тщательно маскировал раннюю лысину. Хотел выглядеть элегантно. Помню, поразила меня фотография Никонова на форзаце сборника критических статей И.А. Дергачева об уральских писателях. Среди иконостаса всех местных классиков и полуклассиков вот такое фото: Никонов одет по-зимнему, шапка-ушанка, пальто с меховым воротником, но отвороты старательно расправлены, под ними белая рубашка и... бабочка с жемчужинкой посередине. Эта экстравагантная экипировка, несомненно, была скомбинирована с вызовом: мол, и мы тоже не лаптем щи хлебали, ничем не хуже всяких рафинированных, что в смокингах или фраках.

Эта витальная жадность до жизни проявлялась в его многочисленных увлечениях, как сейчас сказали бы - хобби. Со школьных лет - птицы. Опыты в живописи. Потом – кактусы. И собирание репродукций великих мастеров. А если уж он увлекался, то со всей страстью, фанатически. Занявшись кактусами, установил связи с другими такими же «кактусофанами», от самого Леонида Леонова получил два диковинных экземпляра. Помню, как-то по делу зашел к Никонову, на улице был мороз за тридцать, смотрю – весь пол

заставлен горшками с кактусами, Николай Григорьевич и Антонина Александровна по полу ползают, во что-то там эти колочки укутывают... Причем всякое свое сугубо любительское увлечение он поднимал с уровня дилетантства до уровня, близкого к профессиональному. Ходил слушать птиц, ловил их, потом по сезону отпускал – и написал книгу «Певчие птицы», которую признали уральские орнитологи. Возился с кактусами, и появилась книга «Созвездие кактусов», Собирал репродукции картин мастеров и рассказал об этом в книге «Золотой дождь»... И когда завел участок в поселке Кирпичный, в четырех километрах от остановки Гать, то и там хозяйствовал фундаментально – дом срубил, теплицы поставил, огород обихаживал. И всё удивлялся: вот у нас все грядки вычищены, вылизаны, ни тебе соринки, удобрения всякие-разные, а когда собираешь урожай, то еле-еле чего-то там накопишь-надергаешь, рядом же, у деревенских, грядки черт знает чем позарастали, об удобрениях слыхом не слыхивали, а у них прямо так и прет из земли - морковь одна к одной, картошка с кулак, капустный кочан не обхватишь. И всё думал, как бы превзойти соседей.

Азарт в нем кипел и бурлил, но он сдерживал его в узде жёсткой самодисциплины. Всё старался планировать, размечать, рассчитывать. Наверно, не все намечавшееся удавалось довести до ума. Но как бы там ни было – то, что он успел написать за свой земной срок, поражает объемом. Больше, чем он, никто из уральских писателей не написал. У него вышло вместе с переизданиями примерно семьдесят книг! Это за сорок семь лет, с 55-го года, с первой книжки, вроде бы детской, а на самом деле мудрой и по- взрослому печальной, философской «Сказки о березовом листке». Не забудем, что на вольные писательские хлеба он смог уйти только когда перевалило за сорок, до того учительствовал, был директором вечерней школы на Вторчермете – иначе прокормить семью не удавалось.

А то, что он успел сделать в литературе, потребует очень серьезного академического осмысления. Я же сейчас только обозначаю контуры того, что предстоит исследовать.

Прежде всего – никоновский образ мира, его концепция человеческого бытия. Как правило, большие художники свою модель мира воплощают в каком-то локальном пространстве и времени – так эта модель выглядит нагляднее и впечатляет сильнее. Есть Петербург Достоевского, диккенсовский Лондон, шолоховский Тихий Дон, Йокнапатофа Фолкнера.

У Никонова моделью мира стал образ Урала. Можно уверенно говорить, что есть никоновский Урал. До него были только Урал Мамина-

Сибиряка и Урал Бажова. Каждый из них создал свой, особый образ Урала. Мамин-Сибиряк - Урал горнозаводской, бурлящий социальными противоречиями, сшибкой хватких характеров. У Бажова Урал каменный, мистический, дарующий таинственной силой, но и вытягивающий все соки души. Никоновский Урал – это «болотца с веснушками ряски», лесные дороги с промоинами, хрустнувшая ветка под ногой, робкий подснежник, лужица, затянута тонким ледком, звон ручейка между камней, медный ствол корабельной сосны, тонкий луч солнца из-за кромки леса... Это Урал без величавости и монументальности. Это милый, родной край, дом и подворье человека. И это Вселенная, плотно прилегающая к его телу, заполняющая его кругозор – вглядываясь в этот, свой, с младенчества знакомый и по-домашнему родной Урал, герой Никонова научается чувствовать красоту мира и любить жизнь.

Наиболее откровенно свое почти религиозное поклонение чуду земной красоты Никонов выразил в книге «След рыси». Он хотел назвать ее поэмой. Да и в первоначальной редакции она была по-поэжному субъективна, можно сказать раскалена авторским чувством. Оказывается, Никонов давно стал собирать материалы о безобразиях, которые люди творят над живой природой, о тех издевательствах, которым они подвергают планету Земля. И рукописная редакция «Следа рыси» включала фрагменты из газетных и журнальных статей с этими вопиющими фактами. Ну, и накал авторского гнева был соответствующим. При подготовке книги к изданию эти «врезки» сняли, потому что они все-таки утяжеляли текст и тормозили сюжет. Но знаком авторского пафоса осталось жанровое обозначение «публицистическая поэма». И центральное место в ней занял поэтический образ Урала – тут уже он не только по-домашнему обыденный, но и монументально-величавый, раскинувшийся от оренбургских степей до ненецкой тундры, полный жизни. Действительно, модель Космоса, на который поднял руку неумный поработитель. Повторю – Никонов никогда не ходил в дальние походы по Уралу, образ Урала рожден у него живым созерцанием ближнего мира, богатейшим творческим воображением и огромной любовью. (Кстати говоря, и образ лесного кота, рыси, Никонов писал, по его признанию, со своего домашнего кота.)

Поэма «След рыси» с трудом пробилась в печать в 1979 году. А ведь, в сущности, Никонов был одним из самых первых советских писателей, кто буквально возопил не просто о попрании природы, а о деградации человеческой души, совершающей это попрание. И если у Астафьева в «Царь-рыбе» браконьер осуждается за то, что он, сын природы, поднял руку на свою мать, то у Никонова посягательство на земную природу предстает как разрушение

хрупкого чуда, созданного усилиями всей Вселенной в течение миллиардов лет.

Здесь встает еще одна исследовательская проблема – первооткрывательство Никонова. Это вопрос о том, какие проблемы он поднял раньше других писателей-современников, какие конфликты нащупал первым и какое эстетическое освещение им придавал? Конечно, на глаза читателям чаще попадались вещи, напечатанные в столичных журналах, да и критика обращала на них внимание в первую очередь. Никонов же по преимуществу издавался в Свердловске, ему не хотелось стоять в длинной очереди на публикацию в столичном журнале (а жить ведь на что-то надо было). Поэтому во всесоюзном литературном контексте Никонову отведено незаслуженно мало места. Он пока остается в числе тех, кого называют «прозёванными талантами». А между тем...

Когда он начинал, то довольно часто слышал упреки в том, что идет не по магистрали, а по боковой тропинке – «в эпоху спутников и ГЭС» живописует утреннюю зорьку. А что оказалось важнее?

Когда он написал «Солнышко в березах» (1965) и тем самым начал свою «трилогию вочеловечения», продолженную повестью «Валя Медведева» и завершённой «Глаголом несовершенного вида», еще не было ни айтматовской трилогии о мальчике, ни «Весенних перевертышей» и «Ночи после выпуска» Тендрякова. Да и не в приоритете дело, а в том, как Никонов представил процесс рождения личности и ее формирования. Да, у него нет той социальной остроты, как у Айтматова, той драматизации, как у Тендрякова. А есть вроде бы камерное описание того, как малый ребенок прилепляется к жизни через почти тактильное осязание ближнего мира, через запах полыни и вкус древесной коры. А далее в «Вале Медведевой» – деликатнейшее повествование о самой первой влюбленности, которая для десятилетнего мальчика становится подлинной драмой, испытанием и воспитанием чувств. А в «Глаголе несовершенного вида» - первые серьезные столкновения подростка со взрослой жизнью, с голодухой и нищетой военной поры, не отменившей все те страсти, которые во все времена настигают подростка.

А никоновская «Старикова гора»? Опубликованная даже в несколько приглаженном и усеченном виде на страницах «Урала» в самом начале 1984 года, она удостоилась личного гнева будущего президента России, в ту пору первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Нарисованная в «Стариковой горе» картина деградации советской деревни, где пьянчуги-бездельники типа Диогена (от редуцированного – «дядя Ге-

на») третируют старика-трудягу - «кулащье», мол, и всячески пакостят ему, конечно же, не совпала с официальными сказками об обществе развитого социализма.

Правда, через год на всю страну полыхнул «Пожар» Валентина Распутина и заголосил «Печальный детектив» Виктора Астафьева. Так вот, с этими вещами надо бы и соотнести «Старикову гору». Может быть, вместе взятые, они и объяснят полнее многотомных фолиантов политологов и экономистов то, что произошло с Союзом Советских Социалистических Республик во второй половине восьмидесятых годов... Полный текст «Стариковой горы» увидел свет только в 1990 году.

И еще одна исследовательская проблема - стиль Никонова. Он всем казался лириком, с негромким голосом, с элегическими интонациями. Да так оно и было поначалу. Но потом, с середины 70-х, элегический голос обогатился драматическими модуляциями, в нем нередко стали звучать саркастические, а то и гневные ноты. Фраза стала ветвистой, густой, многоцветной. Она оставалась монологичной, но сам монолог стал мощнее и звучнее, богаче чувством и мыслью. И, видимо, не случайно Никонов в 80-90-е годы обратился к жанру романа. Хотя, как мне кажется, все-таки комфортнее всего он чувствовал себя в жанре повести или новеллистического цикла. Там его монологизм был наиболее органичен.

Да, Никонов был дидактом. В любом его произведении за текстом стоит учитель, наставник, который хочет побудить своего читателя по-новому взглянуть на мир и начать жить иначе, чем он жил до сих пор. Да, порой никоновский темперамент перехлестывает через край – и он прорывает ткань виртуального сюжета то комментарием, то прямым обращением к читателю, то гневной филиппикой. Это не всегда проходило безубыточно для художественной целостности произведения. Но таковы накладные расходы творческой индивидуальности. А все-таки доходов куда больше надо хорошенько прочитать и многократно перечитать.

А пока подойдем к книжной полке. Возьмем в руки зеленый том с факсимильным оттиском «Н.Никонов». Раскроем на любой странице. И услышим чуть глуховатый, с легким уральским оканьем голос, то артистически имитирующий говор героев, то плавно растекающийся по просторам уральских пейзажей, а то срывающийся на вскрик боли и гнева.

И это никакая не мистика, а абсолютная реальность: писатель живет, пока его книги читают. А книги Николая Никонова будут востребованы еще многими поколениями читателей.

Н.Лейдерман